

В.П. Горюнов,

доктор филос. наук

РОССИЯ И ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Видение исторических перспектив России, как правило, выражено в лозунгах, экспертных оценках, прогнозах, сценариях. В основном все эти мыслительные конструкции создаются на заказ, под определенный интерес. То есть понимание России провозглашается, а не выводится из объективной модели. Декларацию можно принять или не принять, с выводимыми положениями нельзя просто согласиться или не согласиться, здесь принимать или не принимать можно только саму исходную модель.

Новая социальная реальность обычно предстает в двух измерениях. С одной стороны – это новый мир, с другой – новая Россия. То и другое непривычно и пугающе чуждо, то и другое требует осмысления, теоретического освещения, ориентирующего в сложившейся ситуации. Но необходимые теоретические ориентиры отсутствуют, их заменяют рассуждения постфактум, определение некоего узора в сплетении происшедших событий и принятие его в качестве закономерности.

В контурах общемировой динамики усматриваются цивилизационные циклы, столкновения, разломы, подобные географическим контурам дрейфующих материков. Россия XX века, понимаемая в широком смысле и как империя и как Советский Союз, потерпела катастрофу, развалилась. Россия в узком смысле, т.е. как одна из бывших советских республик, находится в состоянии жесточайшего кризиса. Отношение граждан к происходящим в ней изменениям, называемым реформами, и к их исполнителям в целом сугубо негативное. “Снизу” оно выражается в отчаянных стенаниях и проклятиях в адрес конкретных реформаторов и неких абстрактных демократов вообще, конкурирующие группы политической элиты просто не дают друг другу работать, конкуренты в экономической сфере никак не могут поделить собственность, а всякого рода аналитики, обозреватели и эксперты высчитывают рейтинги и выступают с прогнозами, столь же частыми и так же теряющими смысл уже на следующий день, как и метеорологические.

В соответствии с техносциальной формулой общества, как абстрактной социально-теоретической моделью, каждая конкретно-историческая общность (нация, страна, этнос и т.п. образования) характеризуется своей геоисторической формулой, складывающейся из географических, демографических, технологических, социально-культурных, геополитических факторов, обуславливающих два взаимозависимых показателя: характер внутреннего социального устройства и способ включенности в мировое сообщество (то и другое берется в аспекте отношений господства и подчинения). Иначе говоря, геоисторическая формула общности раскрывается в интенсивности или экстенсивности экономического развития, авангардности или отсталости в

научно-техническом прогрессе, эволюционности или революционности социальных изменений, демократичности или авторитарности управления, уровне жизни и глубине социальной дифференциации.

Применительно к каждой отдельной общности техносociальная формула общества наполняется определенным содержанием в соответствии с конкретными историческими условиями существования общности и поддается системному моделированию и анализу с использованием математического аппарата. Здесь нет места неверифицируемым понятиям типа "нормальная экономика", "достойные условия жизни", "нравственная политика", "разумный закон", "достойное место народа", "счастье людей" и т.п. Все понятия и суждения должны быть содержательными, т.е. иметь конкретное качественное и количественное наполнение, позволяющее определить конкретную формулу конкретной общности. В качестве основных составляющих такой модели можно взять:

- численность и качественный состав народонаселения;
- ресурсы занимаемой территории, оцениваемые по шкале мирового уровня материально-технического развития;
- уровень собственного материально-технического развития в сопоставлении с мировым;
- качество жизни в сопоставлении с мировым;
- система социальной дифференциации (разумеется, она должна быть описана не в ценностных категориях справедливости или несправедливости, а в соотношении объективных величин, характеризующих условия жизни разных групп населения);
- место общности во внешней системе социального взаимодействия;
- способ управления;
- система духовной культуры.

Петрудно увидеть, что все элементы общности взаимоувязаны единым системным отношением и изменение любого из них необходимо влечет за собой изменение других. Поэтому управление общностью должно опираться на видение вполне определенных сценариев ее развития, вытекающих из целевых установок. Разумеется, расчет сценариев ничего общего не имеет с пророческим предсказанием конкретного хода событий, будучи системным моделированием возможных состояний, вытекающих из учтенной информации о действующих факторах. Так, ограничение на расчет развития общности накладывается вариативность ее внешнего взаимодействия — объективная непредсказуемость состояния системы, в которую она включена. Одновременно моделирование общемировой системы ограничивается непредсказуемостью состояний, поведения ее структурных элементов — субъектов взаимодействия.

В процессе революций осуществляется смена систем социальной дифференциации, а в конечном счете переход от одной формулы общности к другой. Поэтому социальные преобразования всегда связаны с насилием, характер и степень которого определяется характером и глубиной самих преобразований. Отсюда противоречие между законностью и революционной целе-

сообразностью, — вечное, постоянно разрешаемое противоречие цивилизованного общества, неизменный исторический сюжет, в котором меняются только действующие лица.

Общество представляет собой относительно сбалансированную систему большого множества общностей, сложившихся в результате определенных объективных причин природного и социального характера, будь то целенаправленная деятельность правителей и завоевателей или просто статистический расклад обстоятельств и действующих сил. Общности различаются по объему (массе), уровню материально-технического развития, этническим и социально-культурным особенностям.

В зависимости от своей геоисторической формулы, общность может существовать либо самостоятельно, будучи непосредственно встроенной в мировую или региональную систему, имея свою нишу в мировом природном и социальном пространстве; либо общность обязательно входит в какое-либо другое целое, т.е. общность более широкого плана. Например, Россия, как целое, исключительно мозаична, составляющие ее исторические общности могут существовать по-разному, но Россия в целом может существовать лишь в виде единого экономического и политического организма с предельно сильной централизованной властью. Для отношений союза во всех отношениях равных субъектов нет достаточной равномерности экономического и социально-культурного развития.

Глобализация мировой экономики означает, что в систему разделения труда втянут весь мир, и областей, параллельных мировой системе, сосуществующих с ней, больше нет. Последний этап такого параллельного существования был представлен противоположными системами социализма и капитализма. Соответственно, перед Россией и другими республиками бывшего Советского Союза стоит проблема вхождения в мировую систему: в каком качестве и в каком объеме (границах)? Ясно, что вхождение в СССР и вхождение в мировую систему обуславливают разные требования и возможности сосуществования в одном целом.

Это актуально особенно для России. Но в ней сейчас реально преобладает борьба не за путь развития как единой общности в мировой системе, т.е. не за способ ведения общего хозяйства во взаимодействии с другими хозяйствами как партнерами и конкурентами, а внутренняя междоусобная борьба, для участников которой нет общего российского хозяйства и нет общих партнеров — конкурентов. Внешний мир выступает в этой борьбе просто как внешняя среда, которую можно использовать в узкокорыстных интересах (вывозить туда капитал, сырье, рабочую силу и т.д., а что-то, наоборот, ввозить оттуда).

А Россия, в свою очередь, для мира существует тоже как просто пространство, где есть некие ресурсы, но не как партнер, а тем более конкурент. По сути Россия всегда пребывала в таком качестве, не будучи достаточно полно включенной в систему международного разделения труда и оставаясь на периферии мирового производственного процесса, хотя в военном отношении она всегда была активным участником мировой политики. В услови-

ях глобального мира дальнейшее сохранение такого положения вряд ли возможно, однако не исключено, что в существующем объеме (границах) Россия в качестве открытого общества существовать не сможет, а в качестве закрытого общества ее не примут как самостоятельного партнера.

Россия по шкале современного уровня материально-технического развития является обладательницей больших природных богатств. Однако она не может эффективно распорядиться ими самостоятельно по причине отсутствия внутренних источников кредитования, т.е. источников авансированного труда, необходимого, во-первых, для разработки новой техники и новых технологий; во-вторых, — для разворачивания работ по собственно добыче, переработке и дальше по всем технологическим переделам. Все негативное, что связано с недостаточностью собственных возможностей (в том числе и управленческих, политических) по рациональному использованию природных ресурсов, обусловлено факторами самой Российской жизни, а не “прониками заокеанских воротил бизнеса”, сознательно удушающих Россию. Разворовывание производственных фондов, загрязнение территории, вывоз капитала за границу, развал экономики вообще, — все это дело рук самих россиян, ставшее возможным в условиях открытости перед миром.

Природные условия России в ее современных границах не позволяют существовать людям, выключенным из сферы общественного производства. Проще говоря, бездомная, социально не обеспеченная жизнь в значительных масштабах в России невозможна. А это значит, что Россия для сохранения нынешней территории и численности населения необходимо должна быть высокоразвитой страной.

Однако при неизменности существующего положения дел основная масса людей, оказавшихся лишними в производстве и не имеющих достаточной социальной поддержки, обречена на вымирание: индивидуально — в различной форме и в разные сроки, но в целом — в критически короткий интервал времени. Народонаселение, как элемент целостной общественной системы, закономерно придет в соответствие с материально-технической и социальной системами. Одновременно снижение рождаемости, усиливаемое сокращением продолжительности предстоящей жизни, приведет к очередному этапу старения населения и последующему снижению его численности. Нет нужды доказывать, что вместе с “уходом” людей “уйдут” и определенные проблемы социального характера. В этом смысле совершенно ясно, что реформы необратимы — их результатом будет совершенно другая страна.

Но ясно также и другое — вместе с уменьшением массы людей будет уменьшаться и их способность к удерживанию занимаемой территории, которая неизбежно сократится в соответствии с конфигурацией линий разлома, уже очерченных линиями национального и регионального сепаратизма и дополненных контурами внешних территориальных притязаний. Что окажется в остатке — нельзя предсказать, но можно разве что угадать.

Объективное противоречие положения современной России состоит в том, что, став открытой, она перестала быть самостоятельной и оказалась перед угрозой распада, а в закрытом виде она обречена на застой и разложе-

ние. Здесь бессмысленно ставить вопрос о том, кто виноват, и теоретически невозможно найти ответ на вопрос, что делать? Здесь надо просто действовать, исходя из самой реальности. А для этого необходима не программа действий, — таких в России сейчас достаточно, если не в избытке, — а политическая воля, субъект действия, она первична. Будет воля — сформируются и действенные программы, без нее останутся одни словопрения и изнуряющая междоусобная борьба за власть.

Исходя из географических и демографических условий развития современной России и ее особого места в геополитическом мировом пространстве, создание устойчивой общественной системы, саморегулируемой на основе последовательно реализуемых принципов либерализма, в обозримом будущем представляется маловероятным. Соотношение тенденций демократизма и либерализма — с одной стороны, авторитаризма и централизма — с другой, определяется не столько внутренними, сколько внешними движущими силами развития России. Либерализм в современных условиях не обеспечивает главного — сохранения устойчивой самостоятельности в системе внешней социальной дифференциации.

Соблюдение государственных интересов по выходу на мировой уровень материально-технического развития исторически связано с централизмом, хотя это всегда имело характер штурма, рывков, требовало перенапряжения сил и никогда не было, во-первых, всеобъемлющим и, во-вторых, долговременным. Тем не менее сам этот механизм ясен. Наоборот, конкретно-исторический механизм достижения Россией мирового уровня материально-технического развития на базе либерализма неясен, потому что в этом случае не действует, как фактор, национальный интерес. Ведь не некие государства вывозят из России сырье и ввозят ядовитые отходы, — это делают наши российские фирмы, — то есть мы сами как бы продаем и отравляем себя, противопоставляя частный коммерческий интерес национальному. А то, что это делается с купленного благословения и при непосредственном участии государственных чиновников, совсем не означает порочности самого принципа государственности. Как, впрочем, и сам факт доминирования государства еще не означает доминирования государственности как таковой.

Для России централизм есть историческая необходимость как в плане установления и поддержания единых норм общественной жизни (правил игры) внутри, так и для обеспечения внешних благоприятных условий ее существования. Однако эта объективная необходимость централизма в России, связанная с ее особенностями как интегрированного целого, никак не может перекрыть его объективного отрицания, связанного с неспособностью обеспечить эффективное управление дифференцированным целым. В данной неразрешимой проблеме выбора между централизмом и либерализмом, пожалуй, и состоит историческая безысходность российской общности.

Несмотря на восстановление в России исторически традиционной для нее глубокой социальной дифференциации, лозунги внутрисоциальной борьбы чисто классового характера все больше представляются идеологическим анахронизмом. Действенная социальная борьба в России всегда велась

в явном или неявном подчинении проблеме установления ее статуса в системе мировой социальной дифференциации, и все многообразие исторических форм противоборствующих социальных сил может быть сведено к двум интегральным формам — национал-государственники и космополиты-либералы. Политика первых исторически всегда преобладала, но никогда не могла вывести Россию из состояния изоляции и преодолеть холодное высокомерие в отношении к ней со стороны Запада как стратегически приоритетного партнера и оппонента одновременно. Политика вторых никогда не преобладала, но всегда означала подчинение России на путях полного включения во всеобщий мировой рынок и ориентации в организации своей жизни на его правила. Образно говоря, Россию на этом всеобщем рынке быстро "разденут", как периферийного жителя на столичном базаре.

Надо понять одну простую, но очень жестокую истину: борьба за выживание объективно исключает какие бы то ни было компромиссы и в доведенном до логического конца виде представляет собой борьбу на уничтожение. А такой конец всегда становится действительностью при непосредственном столкновении интересов за жизненное пространство, понимаемое как жизненные ресурсы вообще. Здесь бессмысленно искать некие нравственные барьеры. Борьба культур, цивилизаций, этносов (как бы ни называть) могла быть борьбой на вытеснение, пока существовал резерв пространства в буквальном смысле, в которое и вытеснялись слабые общности более сильными. Достижение человечеством глобальности в своем развитии означает, что границы общностей (культур, цивилизаций, этносов) сомкнулись и выдавливать им друг друга больше некуда, свободных ниш уже не осталось.

Соответственно, каждая общность должна определить свое место в этом социальном континууме и находить средства для его удержания: политические, экономические, военные, — какие угодно. Специфика России — ее преимущественно оборонительная геополитика, а постоянное расширение России на Восток вплоть до становления огромной империи в решающей мере явилось результатом именно ее выдавливания туда Западом. Кстати, при конкретно-историческом подходе надо заметить, что то было выдавливание в зону отсутствия его жизненных интересов, почти как в никому не нужную пустыню. Но при отклонении от допустимого направления российской экспансии ей об этом быстро напоминали.

В лозунговую модель России, как передовой общности, в качестве базовых элементов обычно закладывают природные богатства, высокое качество интеллектуальных и трудовых ресурсов и несколько наработанных передовых технологий. В какой мере прорыв России в мировые лидеры реален и какие препятствия мешают этому? Исходя из методологии формулы, можно высказать ряд суждений:

При замкнутом развитии такой прорыв не получится ни технологически (быть впереди можно, лишь опираясь на всю мировую систему материально-технического развития), ни социально (не избежать глубокой социальной дифференциации). Следовательно, включение в мировую систему материально-технического и социального взаимодействия объективно необходимо.

К тому же России в нынешнем глобализованном мире просто не позволяет остаться закрытой.

Баланс прихода и расхода совокупных ресурсов жизни, при котором Россия не была бы ни "целью", ни "средством" по отношению к другим общностям, возможен лишь кратковременно.

Таким образом, авангардная роль России может быть обеспечена только при условии дополнительной подпитки извне. В какой форме и в виде каких ресурсов? Военная экспансия в обозримой исторической перспективе однозначно исключена. Остается один (пока что сугубо гипотетический) путь, вытекающий из законов материально-технической реконструкции, – привлечение дополнительного интеллектуального и трудового потенциала со стороны. Проще говоря, источником дополнительных ресурсов жизни должен стать чужой интеллект и чужая рабочая сила. Вот главный предмет конкуренции будущего. Однако, к сожалению, пока что именно из России в Европу и Америку утекают мозги и рабочие руки. Более того, все шире разворачивается материальное и интеллектуальное производство непосредственно в России, когда уже не вывозится сырье, не уезжают кадры, на месте реализуется произведенная продукция, но в итоге из России выдавливается рафинированный ресурс жизни, а остаются загрязненные территории и опустошенные души. В современном глобальном мире не обязательно завоевывать физическое пространство, достаточно навязать населению определенный образ жизни, все остальное сделают сами люди, да еще на конкурсной основе.

По своей формуле российская общность обречена на нужду в той мере, в какой она не может жить за счет других общностей ни силой оружия, ни превосходством технологий. Поэтому она всегда остается глубоко дифференцированной, и элите всегда присуще презрение к массе, стремление отмежеваться от нее во всем, кроме ее служения в качестве средства. В свою очередь, масса отвечает отношением к труду как к повинности и всячески стремится убежать от него. Дело не в природной российской лени и расхлябанности, как это трактуется в некоторых мифах о российском менталитете, а в том, что одним трудом не прожить, когда совокупное общественное производство изначально неэффективно, т.е. труд не дает положительного результата и осуществляется по принуждению в рамках отношений господства и подчинения.

Современный мир перестраивается, намечается новая разбивка на возможные военные блоки. Деление на социалистический и капиталистический лагерь имело под собой идеологическое основание и было силовым, волюнтаристским по исполнению. Их нельзя рассматривать как реальные, вытекающие из логики исторического развития блоки. Хотя, конечно, и могла развязаться ядерная мировая война, возможные последствия которой не поддаются умозрительному описанию, она не привела бы к разрешению действительных противоречий мирового развития, а тем более не была бы последней. Этой войны никто не хотел, потому что никто в ней не был заинтересован. Так что не случайно и не в результате миролюбия человечеству удалось ограничиться холодной войной – идеологической и экономической,

принявшей форму гонки вооружений, движущая сила которой впервые в истории оказалась тотальной: на войну "сработала" научно-техническая революция, составившая целую эпоху в развитии общества. Соответственно, и по своим результатам это оказалась настоящая война, ибо она закончилась полным разгромом одной из воюющих сторон.

В отношениях между начавшимися зарождаться новыми военными блоками уже труднее обойтись холодной войной. А объективно основания наиболее вероятного военного столкновения остались прежние, то есть речь идет о развитии результатов предыдущей мировой войны, и Россия опять оказывается центром схождения сил мирового противостояния, снова намечается тенденция к разрешению мировых противоречий за ее счет.

Но мир стал качественно иным, превратившись в глобальную систему социального взаимодействия. Наряду с традиционными противоречиями между господствующими общностями, борющимися за сферы влияния как за необходимые источники своего существования, четко обозначились линии нового противостояния, новых переделов жизненного пространства. Наиболее явственно здесь прослеживается линия, разделившая мир энергоносителей, представленный главным образом странами так называемого мусульманского мира, и мир технологий в лице западных (в социальном, а не географическом смысле) стран. Оба мира не могут обойтись друг без друга, оба неоднородны сами по себе, оба претендуют на главенство в глобальной системе международных отношений. Безусловно, надо учитывать еще не подкрепленные достаточной реальной силой геополитические претензии азиатских гигантов — Китая и Индии.

В отличие от мира энергоносителей и мира технологий, которые могут диктовать друг другу и остальным свои условия и навязывать правила игры, Россия ничего не может диктовать. Ее специфика заключается в способности жить своими природными, техническими и интеллектуальными ресурсами. Но для этого она должна пойти и своим особенным, как говорят, третьим путем, который означает господство своих ценностей и своих отношений. Однако предпосылок для такого развития в самой России пока не видно, а наличие примитивная силовая социальная дифференциация, которая ни в ближайшем приближении не позволяет говорить о так называемой соборности русского народа.

В целом из разных сочетаний противоречий завязывается единый мировой узел, вне которого и даже на его периферии Россия, если бы и хотела, никак не может остаться, благодаря своему евроазиатскому положению. Однако она сама расколота таким образом, что линии мирового разделения проходят по ее собственному телу (причем славянское православие теснится со всех сторон), и она не выработала еще (за всю тысячу, а не за последние десять лет) своего определенного геополитического интереса. Сейчас России в этом смысле, то есть как самостоятельной силы, вроде и не существует, — ее ракеты нацелены в "никуда".

Либерализм ведет к растворению России в глобальном открытом обществе, централизм ведет к ее изоляции, отторжению и неизбежной конфрон-

тации с либеральным миром. При этом в России есть силы, на словах равно озабоченные ее благополучием, но объективно толкающие страну к одной из крайностей либерализма и централизма. Западники и славянофилы, либералы и консерваторы (сейчас — демократы и государственники), — вот исторические линии политико-экономического противостояния в России. Коммунисты, сумевшие на практике реализовать принципы централизма до пределов тотального огосударствления общественной жизни, в настоящее время не имеют своей полярной пары (противоположности). Сейчас против них все — и государственники — монархисты, и государственники — республиканцы, и либералы — демократы всех мастей.

Анализ централизма и либерализма вообще и тезис о необходимости, закономерности централизма в России, в частности, ни в коей мере не содержит и не предполагает ценностных суждений. Здесь присутствует сугубо рациональное рассмотрение вопроса. Разумеется, и централизм, и либерализм имеют свои плюсы и минусы с точки зрения интересов конкретных групп людей. Более широко, за пределами обстоятельств бытия конкретных общностей, так можно говорить лишь в том смысле, что свои плюсы и минусы имеет человеческий способ жизни вообще, как, впрочем, и сама жизнь как таковая.

В целом можно сказать, что в настоящее время в России нет организованной политической силы, достаточно полно выражающей ее национальные интересы и опирающейся на широкую социально-экономическую базу. Возможно, это объясняется объективной противоречивостью геоисторической формулы России, не позволяющей соединить в рамках современной цивилизации свободу внутреннюю и свободу внешнюю. Наверное, потому и была ее судьба всегда крепко связана с появлением личностей, на какое-то время вздыбливающих страну.

Российская национальная идея всегда связана с властью, она сама, можно сказать, есть идея власти в той мере, в какой власть в глазах общества является собой символ величия, справедливости, защиты. Современная идея Запада — это, в конечном счете, идея закона, воплощающего в себе равенство свободных, независимых друг от друга людей. Власть направляет, карает и защищает подданных, а закон регулирует отношения собственников, защищает их от произвола власти. В России власть всегда преобладала над законностью, сегодня в ней дефицит того и другого при избытке деклараций о стремлении их реализации в полном объеме. Хотя объективно большинство населения России лишено собственности и нуждается в защите, а меньшинство, обладающее собственностью, требует охраняющей их законности. Таково объективное противоречие современной России, такова ее социальная дифференциация: одни ждут защиту со стороны власти, а другие — защиту от власти.

В современном мире больше некого и нечего завоевывать в старом смысле этого слова, мир к XXI веку полностью освоен и поделен. Но борьба за выживание остается. Однако стихийная неупорядоченность, спонтанность и хаотичность войны, как средства урегулирования международных отноше-

ний, в эпоху глобализации сменяется упорядоченностью и регулируемостью наказания или уничтожения противника, с одной стороны — четко спланированными террористическими актами, а с другой — экономическими санкциями и точечными ракетно-бомбовыми ударами по выборочным целям. Война, в соответствии с техносциальной формулой, принципиально не может быть устранена из жизни общества. В глобальном мире с его всеобщей взаимозависимостью элементов любой конфликт вызывает цепную реакцию противостояния, эскалацию насилия и раскола. Глобализация означает переход к всеобщей непрерывной войне, которая по сути и является мировой войной и которая по причине неравномерности общественного развития всегда таит опасность перерастания в глобальный военный конфликт с очередным порядковым номером в хронологии мировой истории.

Абсолютная либерализация общественной жизни необходимо оборачивается свободой действий одних по отношению к другим. Она выражается в установлении всеобщего жесткого порядка отношений господства и подчинения. Поэтому не случайно, как это ни кажется парадоксальным, активнейшими участниками бурных выступлений против глобализации являются анархисты.

Глобальное общество можно рассматривать как практическую реализацию модели информационного общества. Господствует тот, кто владеет информацией — научно-технической, производственно-экономической, социально-политической, а владеет информацией тот, кто способен ее произвести, купить или просто снять с мировой информационной сети, будучи в состоянии обзреть и процидуть все информационные потоки в мире, вплоть до бытовых телефонных разговоров. В этом тотальном просматривании и прослушивании, всеобщем контроле и регулировании человеческой жизни понятия прав и свобод переводятся в какую-то иную плоскость и утрачивают реальное содержание. Таким образом, либеральное общество в глобальном мире переходит в свою противоположность.

В ходе функционирования и развития общности накапливается масса непронизывающих элементов, функция которых сводится к поддержанию ее целостности. Характер целостности является одной из составляющих геосторической формулы общности. У России в этом смысле неблагоприятная формула: большая и резко дифференцированная территория, значительная часть которой неблагоприятна по условиям жизни и ведения хозяйства; объективно обусловленная недостаточность коммуникаций; непреодолимо глубокая социальная дифференциация населения, — все это и ряд других объективных и субъективных факторов требует расходования дополнительных ресурсов для поддержания целостности России, и глобализация мировой экономики, сопровождающаяся либерализацией всей общественной жизни, оказывается разрушительной силой, действующей на российскую целостность.

В соответствии с техносциальной формулой, которая обуславливает наличие в обществе социальной дифференциации и насилия в организации производства как внутри общности, так и в ее взаимодействии с другими общ-

ностями, возможны два основных типа организации общности, теоретически представляемые централизмом и либерализмом. В зависимости от положения общности в мире (изоляция, господство-лидерство, подчиненность-отсталость) складывается баланс соотношения централизма и либерализма.

Объективная противоречивость общественного развития, мучительность выбора между централизмом и либерализмом обуславливает непрекращающиеся попытки провозглашения некоего третьего пути. Для России они особенно типичны, и русская общественная мысль всегда претендовала на то, чтобы открыть и показать миру этот третий путь, установить его у себя и предложить пойти по нему всему человечеству.

Напротив, Китай являет собой характерный пример централизма как условия удержания стабильности общности, в которой даже переход к рыночным отношениям, т.е. к крупномасштабным элементам либерализма, был осуществлен в рамках стратегической государственной политики. Китай — это пример отношения власти к общности как к своему хозяйству, пример централистской иерархии во все времена китайской истории. Он может быть низвержен только путем разложения изнутри, при помощи тотальной либерализации, как это случилось с Россией-СССР, которая в очередной раз стала жертвой междоусобицы, но уже не в ходе военного нашествия, а в процессе экономического давления. Россия всегда имела повышенное внутреннее напряжение, сдерживаемое центральной властью и разрушающее ее целостность при ослаблении власти.

Вопрос о том, может ли Россия, по крайней мере, восстановить свое самостоятельное положение в теперь уже глобальном мире, не говоря о том, чтобы занять лидирующие позиции, не определяется, как это было ранее, факторами пространства, народонаселения и сырья. Какие новые открытия и изобретения дали бы России преимущества, этого не знает никто.

В ускоряющемся процессе глобализации формируется совсем другая конфигурация мира, для России все определится местом в ней. Но сама конфигурация не вырисовывается спонтанно и не предзадана свыше, она складывается в результате бескомпромиссной межобщностной борьбы на выживание. Вот где главное поле и направление деятельности российской власти.

Нынешняя ситуация, когда обуславливающие российскую жизнь факторы (нефть и газ) находятся в частных руках, а определение места России в глобальном мире зависит от власти, является объективно противоречивой и конкретно для России неблагоприятной, ненормальной. Частная деятельность либеральна по своей природе, частнику все равно в какую целостность вписываться, лишь бы это давало экономический эффект. В глобальном либеральном мире Россия, как общность, для частника является отвлеченным понятием, ему нужны приемлемые налоги, а не национальные приоритеты. Для России всегда было самым трудным делом соединение интересов власти и собственности (общества и личности), а в конечном счете — просто совместно живущих людей.

Лидирующие и отсталые общности, помимо всего прочего, различаются по степени противоречия в отношении “личность — общество”. В России это

одно из самых острых противоречий в силу духовной развитости человека, сильного экзистенциального напряжения в нем. С одной стороны — высокое переживание по поводу особой миссии России в мире, а с другой — ощущение ничтожности маленького человека. Извечное поэтическое доминирование общественного над личным реализуется в прозаическом господстве одних людей над другими. Общественного, как такового, не существует, потому и сильно противоречие между личным и общественным, ибо это противоречие между самими людьми.

Современное состояние России, как общности, требует максимально возможного централизма. Но еще раз национализировать нефть и газ не будут, по крайней мере сейчас, разве что только после полного разорения, краха, чтобы спасение одних “трудящихся” переложить на плечи других трудящихся. Таким образом, положение в России объективно противоречиво, главным условием удержания ситуации под контролем остается наличие сильной централизованной власти при всех свойственных ей недостатках и сопутствующих издержках. Вот в чем смысл трудности исторического выбора России.

Понимание объективной необходимости централизма в России должно сопровождаться пониманием того обстоятельства, что авторитарная власть сама по себе, как власть над людьми, есть зло в той мере, в какой она в своей персонифицированной представленности означает всего лишь власть одних людей над другими. Беззащитность человека перед властью оказывается по сути его беззащитностью перед другим человеком, а закон предстает уже не как высшая сила разума, стоящая над людьми и уравнивающая их перед собой, а как слепая стихийная сила, работающая на тех, в чьих руках она находится. Не случайно в народе издавна бытует поговорка: “Закон, что дышло, — куда повернул, туда и вышло”. Для России всегда была актуальна и другая, гласящая глубокий смысл поговорка: “От тюрьмы и от сумы не зарекаться”. Ни один человек не может быть гарантирован ни от того, ни от другого, как бы он ни старался этого избежать, поскольку ни экономической, ни правовой устойчивой, логически непротиворечивой системы общественной жизни не существует. Последнее в полной мере относится и к либеральному, гражданскому обществу, где неравенство людей перед законом определяется различием возможностей оплачивать юридические услуги.

Россия являет собой пример социально-экологического кризиса как истощения формулы своего развития, что означает не столько загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов, сколько истощение внутреннего источника авансированного труда. Абстрактно-теоретическая формула России не фатальна, она не указывает непреодолимых препятствий для занятия Россией XXI века такого же места, какое занимала, например, Англия в XIX веке. Однако конкретный расчет ее геоисторической формулы даже в самом приближенном виде пока что неутешителен.

Для России всегда было характерно состояние переживания перелома, непреодолимое тревожное ожидание, вызванное приближением или наступлением новой эпохи. Россия всегда находится в провале между прошлым и

будущим. Прошлое отвергается, настоящее не признается, будущее неизвестно. В XVIII веке – Петровские реформы, в XIX веке – 1861 год, в XX веке – 1917 год, – предметом переживания было одно и то же – формирование нового типа общности, ощущение утраты старой, привычной и подлинной России, переживание конфликта отцов и детей. Но в каждом очередном веке уже было невозможно жить так, как жили в предыдущем, и Россия оказалась обреченной на вечный выбор пути. То же можно сказать и о нынешних переменах, навещающих переживание грозящей утраты России, но одновременно предупреждающих о том, что жить в XXI веке так, как жила Россия в XX веке, нельзя. Труднее всего определить, как она должна жить?

В настоящее время Россия освободилась от одного из вечных своих вопросов внутреннего происхождения – “кто виноват?”. Но возник другой вопрос, навязанный извне, – “что будет?”. В его рамках стал совершенно безотлагательным ответ на второй вечный российский вопрос – “что делать?”. Но этот главный вопрос получает свою определенность только в свете самого трудного вопроса – “что мы хотим?”, исходя не из абстрактных идеалов, а из реальности, конкретных возможностей. Только тогда станет ясно, что надо делать, и при наличии сильной направляющей воли будет сделано.

Модель глобального мира с его максимально возможной обобщественностью и плановой управляемостью в определенном смысле тождественна модели всемирного коммунизма “с противоположным знаком”, реализуемого не по схеме абсолютистского прогресса с его неограниченностью роста производства и потребления, а в соответствии с техносоциальной формулой с ее фундаментальным социальным отношением “цель – средство”. Глобальный мир предполагает установление единого мирового хозяйства, единой системы производства с разделением его результатов не по потребностям и не по труду, но даже, возможно, не по капиталу. Рациональному объяснению не поддаются ни модель коммунистического изобилия, ни модель “цель – средство” в едином человечестве. В том и другом случае нет реального стимула общественной деятельности. Остается только борьба за выживание, меняющая формы своей цивилизованности и духовные оболочки мифологизации. В принципе здесь уместно ставить вопрос о переходе к другому типу цивилизации.

Сущностные характеристики глобального мира становятся понятными в свете техносоциальной формулы общества. И наоборот, – лишь глобализация, как новая социальная практика, дала необходимый материал для открытия формулы. Ее осознание ведет к радикальному пересмотру системы социального знания.

Если в XIX веке еще господствует классическая рациональность с ее разумностью бытия и человека, модернизмом и прогрессизмом, то для XX века характерна неклассика с ее иррационализмом, релятивизмом, постмодернизмом, когда человеческая рациональность опрокинута, миром владеет подсознание, толкающее к насилию. Двадцатый первый век начался под знаком формулы и обещает переход к неорациональности, т.е. к рациональному пониманию человеческой жизни как борьбы за выживание.

Глобализация общественной жизни, будучи объективным процессом, не подлежит какой-либо социальной оценке, не поддается ценностному изменению вообще. Ее можно и нужно понять, но бессмысленно приветствовать или проклинать. Одновременно она не содержит социальной двойственности и не может быть направлена в ту или иную сторону в аспекте справедливости или несправедливости, ей нельзя придать прогрессивный или реакционный характер. В основе глобализации, как объективного общественного процесса, в соответствии с техносциальной формулой общества лежит борьба за выживание, являющаяся двигателем социального прогресса. Глобализация является следствием, результатом этой борьбы, а не наоборот. Поэтому альтернативные модели глобализации типа "мировой коммунизм" или "мировой капитализм" методологически столь же бесплодны, как и всякого рода футурологические пророчества. Мы не можем знать, как пойдет этот процесс, но мы должны знать его закон.

Для того, чтобы превратить одних людей в средство для других, чисто экономических способов принуждения недостаточно, поскольку экономические отношения характеризуются симметричной взаимозависимостью продавца и покупателя. В чисто экономических отношениях вступают равные партнеры, свободные, не зависящие друг от друга субъекты, целью отношений которых является выгода от взаимного дополнения, а не от неравного обмена. То есть в чисто экономической сфере отсутствует присвоение результатов чужого труда. И в этом смысле экономическая деятельность, как только экономическая, не может быть источником прибыли (не дает превышения результата над затратами, не эффективна).

Следовательно, экономические отношения в чистом виде, т.е. чисто рыночные отношения, а значит, и сотканное из них либеральное общество — это не что иное, как идеальная модель, подобная идеальным моделям в естествознании. В реальном обществе соревнование, как таковое, имеет подчиненное значение, а стержневая социообразующая функция выполняется насилием, .е. экономическое принуждение необходимо дополняется внеэкономическим, собственно насилием в той или иной его форме, той ли иной степенью опосредствования. Это значит, что в действительно либеральном обществе свобода рыночных отношений предполагает и свободу внеэкономического принуждения.

Жизнь в обществе определяется борьбой, в которой нет всеобщих объективных законов, а значит, нет всеобщей логики, а есть только логика борьбы, в которой важно получить не абстрактную истину, а конкретный результат, получить его сейчас — в настоящем, а не потом — в будущем, причем получить любой ценой, а не по декларируемым нормативам. Ибо результатом борьбы является жизнь (индивида или общности). А идеальные модели используются в сфере идеологии как средство реальной борьбы, в которой руководствуются не идеальными моделями, а действительными интересами. Вот с этих позиций и можно понять современную ситуацию в России.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Сироткина С.А. Кафедра политической экономии индустриального института в 1934-1940 гг.	5
Молчанова Г.С. Экономический кружок в ЛПИ: опыт политэкономических дискуссий	16
Сироткина С.А., Моторина Л.А., Чепарушкин В.В. К истории создания кафедры политической экономии СПбГТУ	20

II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Горюнов В.П. Россия и процессы глобализации	28
Хабарина Т.В., Хабарин Е.В. Системная методология классификации наук о социально-экономических объектах	42
Гуляев Г.И. Понятие и особенности рынка труда	73
Осинин Н.И. Рыночное (или гражданское) общество	76
Орлов А.В. Рационалистический подход к раскрытию природы стоимости и ценности	86
Орлов А.В. Выяснение экономической сущности амортизации	98
Орлов А.В. Натурально-вещественный состав и экономическое содержание предметов труда	111

III. ЭКОНОМИКА ТРУДА

Корнейчук Б.В. Математические методы в современной экономике труда	117
Царёва Е.В. Структурная динамика занятых в разрезе секторов макроструктуры и отраслей экономики России в 90-е гг.	121
Иванова Н.Г. Проблемы формирования и управления кадровым потенциалом России	136
Зиброва Л.М. Инфраструктура рынка труда как фактор его развития	143
Язикова Д.В. Проблемы профессиональной адаптации молодых специалистов (на примере выпускников вузов Санкт-Петербурга)	147
Сидненко Б.Н. Особый статус работника, его права и гарантии	152

IV. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Хайкин М.М.	
Маркетинговое обеспечение эффективности социально-культурной сферы	160
Корнейчук Б.В.	
Цели и методы государственного управления сферой туризма	171
Коцофана Т.В.	
Ошибочная политика Правительства РФ как фактор инфляции	178
Корнейчук Б.В., Любарский А.Н., Лысяков А.А.	
Федеральный округ как фактор социально-экономического развития и управления в транзитивной экономике России	186
Волков С.Д., Трунин В.И., Солопенко Е.В.	
Инфраструктурные факторы регулирования рынка образовательных услуг в региональном и федеральном аспектах	189
Волков С.Д., Смирнов С.Б.	
Теоретические основы развития образования	191
Макарова Т.А., Смирнов С.Б.	
Тенденции развития образования в современных условиях	193
Солопенко Е.В.	
Маркетинг в сфере образования	195

V. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Рожевская С.С.	
Бухгалтерский учет и отчетность – информационная база финансового анализа	198
Королев В.А.	
Информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности	211
Цветкова Л.П.	
Россия и Всемирная торговая организация	216
Черкесов А.Г.	
Логистика в системе рыночных отношений	220